

Сборники рассказов

ЧЕРНЫЙ ТЕЛЕФОН
/ПРИЗРАКИ ДВАДЦАТОГО ВЕКА/

СТРАННАЯ ПОГОДА

ПОЛНЫЙ ГАЗ

Романы

КОРОБКА В ФОРМЕ СЕРДЦА

РОГА

NOS4A2. НОСФЕРАТУ

ПОЖАРНЫЙ

Графические романы

КЛЮЧИ ЛОККОВ

ПРИЗРАК СТРАНЫ РОЖДЕСТВА

JOE HILL

NOS4A2

New York

ДЖО ХИЛЛ

НОСФЕРАТУ

NOS4A2

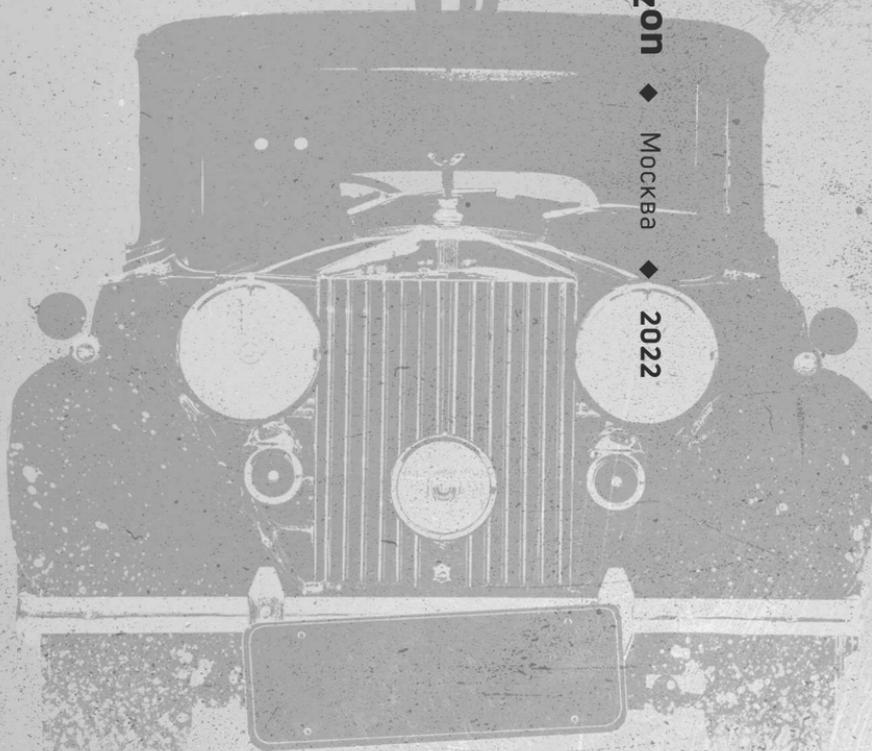
fanzon

Москва

2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
X45

Joe Hill
NOS4A2

Copyright © 2013 by Joe Hill

Published by arrangement with William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers

Author of the illustration and cover project: Dark Crayon
Illustration was first used on Polish edition of the NOS4A2,
published by Albatros Publishing House, Warsaw, Poland.

Иллюстрация на обложке *Петра Цеслинского*

Хилл, Джо.

X45 Носферату / Джо Хилл ; [перевод с английского
С. Трофимова]. — Москва : Эксмо, 2022. — 640 с.

ISBN 978-5-04-167872-2

В детстве у Виктории был велосипед, на котором она могла пересекать воображаемый мост и сразу попасть туда, куда хотела. Скоро Вик узнает, что она не единственная, у кого есть «магическая» вещь. Мэгги Ли, владелица оракула — фишек «Скрабл», рассказывает ей о Призраке на черном «Роллс-Ройсе» с номером NOS4A2—«Носферату», который уже сотню лет похищает детей. Вик пытается выследить Призрака, но теряет велосипед и, повзрослев, думает, что все это было детской фантазией. Однако кошмар юности Вик вернулся — Призрак украл ее сына, и ей придется отправиться за ним в воображаемый мир психопата — Страну Рождества.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© С. Трофимов, перевод
на русский язык, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-167872-2

*Посвящается моей маме:
вот стоящий гранулет
для повелительницы слов.*

Denn die Todten reiten schnell.
(Глаголка горога мертвецам.)
«ЛЕНОРА», ГОТФРИД БЮРГЕР

ПРОЛОГ:

Рождественские поздравления Декабрь 2008 года

Федеральное исправительное учреждение «Энглвуд», штат Колорадо

Медсестра Торнтон вошла в палату длительного пребывания с пакетиком подогретой крови для Чарли Мэнкса незадолго до восьми часов.

Она двигалась на автопилоте, ее мысли были поглощены совсем не работой. Она наконец-то решила купить своему сыну Джосайе игровую консоль «Нинтендо DS», о которой тот давно мечтал, и подсчитывала, успеет ли после смены попасть в «Тойс Р Ас» до их закрытия.

Она несколько недель сопротивлялась этому порыву — по вполне разумным причинам. Ее не тревожило, что у всех его друзей уже было такое устройство. Ей просто не нравилось, что дети всюду таскают с собой эти игровые консоли. Элен Торнтон возмущало, что мальчишки не поднимали своих голов от мерцающих экранов, забывая о настоящем мире и подменяя его воображаемой вселенной, где забава заменяла мысль, а изобретение новых способов убийств почиталось за искусство. А она-то мечтала, что ее ребенок будет любить читать и играть в «Скрабл» или ходить с ней в походы на снегоступах. Какая ирония!

Элен держалась как могла, но вчера вечером она увидела, как Джосайя сидит на кровати с ее старым бумажником в руках и представляет, что играет в «Нинтендо DS». Он откуда-то вырезал картинку

Донки-Конга и вставил ее в пустой кармашек для фотографий. Мальчик нажимал на воображаемые кнопки и издавал звуки взрывов. При виде этой картины у нее защемило сердце: ее сын притворялся, что уже получил игрушку в подарок на Рождество. Разумеется, Эллен было виднее, что полезнее для мальчиков, однако Санта не обязан думать так же.

Она была настолько поглощена своими мыслями, потянувшись за стойкой для внутривенных вливаний, что даже не заметила изменений в облике Чарли Мэнкса, пока тот неожиданно, словно со скуки, не вздохнул. Она взглянула вниз, увидела, что он смотрит прямо на нее, и так перепугалась, что едва не выронила пакетик крови к своим ногам.

Мэнкс был отвратительно старым, не говоря уже о довольно мерзком виде. Его огромный лысый череп напоминал инопланетную луну, испещренную континентами старческих пятен и фиолетовых сарком. Из всех людей в палате длительного пребывания, иначе называемой «овощной грядкой», именно Чарли Мэнкс, неожиданно открывший свои глаза, вызывал настоящий ужас. Особенно в *это* время года. Мэнкс любил детей. В девяностые годы он похитил несколько десятков малышей. Он убивал их и развешивал рождественские украшения в память о них в своем доме у гор Флэтайронс. Журналисты прозвали это место Санным домом. *Хо-хо-хо*.

На работе Эллен обычно старалась не поддаваться материнскому инстинкту и не думать о том, что Чарли Мэнкс мог делать с маленькими девочками и мальчиками, которые попали в его лапы, — детьми не старше ее Джосайи. Она по возможности пыталась не задумываться о злодеяниях ее подопечных. Один пациент на другой стороне палаты связал свою подругу и двоих ее детей, поджег дом и оставил их гореть внутри. Его арестовали в баре на той же улице. Он пил «Бушмилс» и смотрел по телевизору, как «Уайт Сокс» играли с «Рейнджерами». Эллен не видела смысла обременять себя дурными мыслями, поэтому она научилась думать

о своих пациентах как о придатках медицинской техники и капельниц, к которым те были подключены, — периферийных устройствах из костей и плоти.

За все время ее работы в федеральном исправительном учреждении «Энглвуд» — в тюремном лазарете колонии особого режима — Чарли Мэнкс ни разу не открывал глаз. Все три года, пока она работала медсестрой, Мэнкс провел в коматозном состоянии. Он был самым немощным из ее пациентов — одни кожа да кости. Его сердце, согласно данным кардиомонитора, билось как метроном, установленный на минимально возможную скорость. Док говорил, что умственной активности у Мэнкса еще меньше, чем у банки кукурузы со сливками. Никто не мог определить его возраст, но выглядел он старше Кита Ричардса. Он даже немного на него походил — на лысого Кита с острыми, маленькими коричневыми зубами.

С ним в палате лежали еще трое коматозных пациентов, которых персонал называл «овощами». При более близком знакомстве выяснялось, что все «овощи» имели свои причуды. Дон Генри, который сжег свою подругу и ее детей, иногда выходил «прогуляться». Естественно, он не вставал со своей койки, а просто слабо шевелил ногами под покрывалом. Рядом лежал парень по имени Леонард Поттс, который уже пять лет находился в коме и не собирался приходить в себя. Один из заключенных пробил ему отверткой череп и повредил мозг. Тем не менее время от времени он прочищал горло и кричал: «Я знаю!», как будто был маленьким мальчиком, стремившимся ответить на вопрос учителя. Возможно, причудой Мэнкса было открывать глаза, хотя прежде она этого не замечала.

— Здравствуйте, мистер Мэнкс, — машинально сказала Эллен. — Как вы себя сегодня чувствуете?

Она улыбнулась своей дежурной улыбкой и замерла на месте, держа пакетик крови, нагретой до температуры тела. Эллен не ожидала ответа, но ей

показалось, что нужно дать Мэнксу время, чтобы он привел в порядок свои отсутствующие мысли. Когда тот ничего не ответил, она потянулась рукой, чтобы закрыть его веки.

Он неожиданно схватил ее за запястье. Вопреки выучке, Элен вскрикнула и выронила пакет крови, который взорвался алым фонтаном от падения на пол. Теплая струя окатила ее ногу.

— Ах! — закричала она. — Ах! Ох! О боже!

В нос ударил металлический запах крови.

— Твой малыш, Джосайя, — протянул Чарли Мэнкс скрипучим и неприятным голосом. — Я припас ему место в Стране Рождества. Вместе с другими детьми. Его ждет новая жизнь. Новая приятная улыбка. Красивые новые зубы.

Слышать то, как Мэнкс произносил имя ее сына, было еще хуже, чем чувствовать его руку на своем запястье или кровь на ноге. (*«Кровь чистая»*, — твердила она себе. *Чистая.*) От звука голоса этого человека, осужденного за убийства и растление детей, который произнес имя ее сына, у нее закружилась голова, словно Элен попала в стеклянный лифт, который на огромной скорости мчался в небеса, оставляя мир далеко внизу под ее ногами.

— Отпустите, — прошептала она.

— Место для Джосайи Джона Торнтон в Стране Рождества, а тебе самое место в Доме сна, — продолжал Чарли Мэнкс. — Человек в противогазе знает, что с тобой делать. Ты его полюбишь. Пряничный дым тебе поможет. В Страну Рождества тебе с нами нельзя. Конечно, я мог бы взять тебя с нами, но Человек в противогазе лучше. Он — сама милость.

— Помогите! — закричала Элен. Вернее, попыталась закричать, но из горла донесся только слабый шепот. — Помогите!

Голос пропал окончательно.

— Я видел Джосайю на Кладбище того, что могло бы быть. Джосайя должен прокатиться на «Призраке». В Стране Рождества его ждет вечное счастье.

Там мир не сможет его погубить, потому что Страна Рождества скрывается далеко за пределами этого мира. Она в моей голове. Детям в моей голове ничего не угрожает. Мне снилась Страна Рождества. В своих снах я брожу где-то рядом, но никак не могу добраться до конца тоннеля. Я слышу поющих детей, но не могу попасть в их мир. Слышу, как они зовут меня, однако тоннель никак не заканчивается. Мне нужен «Призрак». Мне нужна моя машина.

Он высунул изо рта язык — коричневый, блестящий и мерзкий, облизал им свои сухие губы и отпустил руку Элен.

— Помогите, — шептала она. — Помогите, помогите. Помогите!

Элен вновь и вновь повторяла это слово, пока не смогла произнести просьбу достаточно громко, чтобы ее услышали. Она с громким криком выбежала в коридор в своих туфлях-балетках, оставляя за собой ярко-красные следы.

Десять минут спустя двое охранников в полном снаряжении привязали Мэнкса к кровати — на тот случай, если он снова откроет глаза и попытается встать. Но доктор, пришедший его осмотреть, приказал отвязать пациента.

— Этот парень не поднимается с койки с две тысячи первого года. Его нужно поворачивать четыре раза в день, чтобы не образовывались пролежни. Даже не будь он «овощем», ему все равно не хватит сил, чтобы встать и уйти отсюда. Семь лет мышечной атрофии — да без посторонней помощи он и присесть не сможет.

Элен тем временем стояла в дверях, готовая сразу же выбежать из палаты, если Мэнкс снова откроет глаза. Но после этих слов она на негнущихся ногах подошла к доктору и откинула рукав с правого запястья, чтобы показать синяки от пальцев Мэнкса.

— Похоже на дело рук человека, который даже присесть не может? Я думала, он вырвет мою руку из сустава.

Ее ноги болели так же сильно, как кисть, на которой уже появился синяк. Она сняла окровавленные колготки и терла ступни такой горячей водой с антибактериальным мылом, что едва не ошпарилась. Затем она надела кеды, а сменные туфли выбросила в мусорное ведро. Она вряд ли бы надела их снова, даже если их можно было спасти.

Доктор, молодой индеец по имени Патель, послал ей смущенный извиняющийся взгляд и наклонился, чтобы посветить фонариком в глаза Мэнкса. Зрачки не расширились. Патель подвигал фонариком, но глаза Мэнкса так и смотрели на точку за левым ухом доктора. Он хлопнул в ладоши в паре сантиметров от носа пациента. Мэнкс даже не моргнул. Патель медленно закрыл ему глаза и проверил электрокардиограмму.

— Картина кардиограммы ничем не отличается от десятка предыдущих, — произнес доктор. — У пациента девятка по шкале Глазго: медленная альфа-волновая активность, соответствующая альфа-коме. Скорее всего, он просто разговаривал во сне. Порой «овощи» вроде этого парня выкидывают подобные трюки.

— Он *открыл* глаза, — сказала Элен. — И смотрел прямо на меня. Он знает мое имя. А также имя моего сына.

— А вы никогда не обсуждали сына с другими сестрами рядом с Мэнксом? — спросил Патель. — Он мог что-нибудь бессознательно услышать. Вдруг вы сказали, даже не знаю, например, что ваш сын недавно выиграл конкурс произношения слов по буквам. Мэнкс услышал ваши слова и повторил их во сне.

Она кивнула, однако все равно размышляла. *Он знает среднее имя Джосайи.* Таких подробностей на работе она никому не рассказывала. «*Место для Джосайи Джона Торнтонна в Стране Рождества,* — сказал ей Чарли Мэнкс. — *А тебе самое место в Доме сна.*»

— Я так и не прокапала ему кровь, — сказала она. — У него уже две недели анемия. Подхватил ин-

фекцию мочевыводящих путей через катетер. Я принесу свежий пакет.

— Не беспокойтесь. Я сам накормлю старого вампира. Вы сильно испугались. Забудьте о работе. Идите домой. Вам сколько осталось до окончания смены? Час? На сегодня вы свободны. И возьмите завтра выходной. Пройдитесь по магазинам. Выкиньте из головы сегодняшнее происшествие и расслабьтесь. Рождество ведь, медсестра Торнтон.

Доктор подмигнул ей.

— Вы же знаете, что это самое чудесное время года?

КОРОТКИЙ ПУТЬ

1986–1989 гг.

Хэверхилл, штат Массачусетс Лето 1986 года

Пацанке было восемь лет, когда она впервые проехала по крытому мосту, пересекавшему расстояние между Потерянным и Найденным.

14 | Произшло это следующим образом: они только что вернулись с озера, и Пацанка в своей спальне приклеивала к стене плакат Дэвида Хассельхоффа — черная кожаная куртка, усмешка с ямочками на щеках, скрещенные руки и неизменный КИТТ, — когда услышала истерический крик из комнаты родителей.

Пацанка упиралась ногой в изголовье кровати, прижимая постер грудью к стене и закрепляя углы коричневой клейкой лентой. Она замерла, наклонив голову набок, задумавшись, из-за чего на этот раз мать подняла столько шума. Похоже, она что-то потеряла.

— Он был у меня, — кричала мать. — Я знаю, что был!

— Может, ты сняла его у озера? Перед тем, как пойти купаться? — спрашивал Крис Маккуин. — Вчера вечером?

— Говорю же, я не плавала.

— Может, ты сняла его, когда наносила лосьон для загара?

Они продолжали в том же духе, и Пацанка решила пока не обращать на них внимания. К своим восьми

годам Пацанка (Виктория — для школьной учительницы, Вики — для матери, но для отца и в глубине своей души она всегда считала себя только Пацанкой) научилась не придавать значения вспышкам материнского гнева. Пацанка настолько привыкла к постоянным припадкам смеха и взвинченным крикам переменной Линды Маккуин, что почти их не замечала.

Разгладив плакат и заклеив последний угол, она отступила назад, чтобы полюбоваться результатом. Дэвид Хассельхофф; до чего же он крутой. Она нахмурилась, решив, что повесила плакат криво, когда вдруг услышала, как хлопнула дверь и раздался разгневанный крик — снова ее матери. Потом зазвучал голос отца.

— Я так и знал, что мы до этого дойдем, — сказал он. — Как по команде.

— Я всего лишь спросила, проверил ли ты ванную комнату. Ты сказал, что проверил. Осмотрел каждую полку. Ты вообще туда заходил?

— Не знаю. Нет. Кажется, нет. Но это не важно, потому что в ванной его нет. Линда, ты же сама знаешь, что не оставляла браслет в ванной. Ты забыла его вчера на пляже. Вам с Региной Ройсон ударило в голову солнце, а может, целое ведро маргариты, что ты совсем забыла о дочери и заснула. А когда проснулась, то поняла, что должна была забрать ее из дневного лагеря еще час назад...

— Я не опаздывала.

— Ты в панике помчалась с пляжа. Забыла лосьон для загара, полотенце и свой браслет. А теперь...

— Я не была пьяна, если ты на это намекаешь. Я не езжу с дочерью в алкогольном опьянении, Крис. Это ты любитель...

— Пошло-поехало... теперь ты пытаешься свалить свою вину на кого-то другого.

Пацанка неосознанно вышла из комнаты и направилась по темному коридору к спальне родителей. Дверь была приоткрыта сантиметров на пятнадцать. В проеме виднелся краешек постели и лежащий на